

МОСКОВИЯ. КНИГА II (отрывки, перевод Л. Н. Годовиковой)

ПРИХОД К ВЫСШЕЙ ВЛАСТИ ТЕПЕРЕШНЕГО МОСКОВСКОГО КНЯЗЯ, РАСШИРЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ ГОСУДАРСТВА И ПРОЧИЕ СОБЫТИЯ

Князь Иван Васильевич родился в 28 году нынешнего века. Обладая пылким нравом и желая возвеличить своё достоинство, он по достижении высшей власти решил отомстить за беды, причиненные татарами, и стать прочной ногой в Ливонии.

При наступлении на Казань ему (как мне рассказывал польский король Стефан) легко было захватить город при помощи медных пушек, так как татары не знали ни оружия, ни осадных орудий такого рода. Отсюда московский князь начал завоевание Астрахани, известного восточного рынка, расположенного у Каспийского моря в устье реки Волги, которая была столицей второй татарской орды (т. е. царства). Он отодвинул границы своих владений на 300 миль от Астрахани до черкесов. Эти черкесы населяют горы близ Каспийского моря, их владения раньше простирались до границ Персидского царства, пока в прошлом году Селим не отнял Железных ворот и других крепостей у персидского царя. Благодаря такому соседству и родству по греческой вере московский князь расположен к черкесам (кстати, он был женат на дочери одного из их князей, впоследствии умершей). Когда-то князь выполнил их просьбу прислать к ним опытных строителей крепостей, в которых они могли бы отражать набеги турок. С тех пор он хранит с ними такую дружбу, что эти его соседи только его и считают государем, потому что он является для них как бы покровителем. Между прочим, это простой народ, и он более расположен воспринять истинную веру в бога, чем часть скифов и русские, которые почти слились в один народ, подчинившись власти москвиты.

Существуют еще ногайские татары. В этом году, как обычно, они вторглись во владения московского князя, но, умиловленные подарками, ушли.

С союзниками турок, крымскими татарами, населяющими Херсонес Таврический, от которых, как от сильных противников, он терпел много поражений и, опасался еще больших, он заключил мир, потому что был занят войной с Польшей. Поэтому, когда я уезжал из Москвы, столицы Московии, он говорил мне, что не сможет поднять оружия против татар вместе с польским королем Стефаном, так как со дня на день ожидает своих послов и великое посольство татарского хана, с которым он заключает мир, уже скрепленный печатью обоих государств.

Что же касается Ливонии, то срок перемирия, заключенного с ливонцами на 50 лет (на что предки этого государя согласились из-за того, что их войско было почти все перебито под Псковом при ливонском магистре Плетенберге), был нарушен в 50 г. нынешнего века. Московский князь оправдывает это разными доводами: и тем, что ливонцы не выполнили условий договора, и тем, что храмы, в которых московиты в Дерпте и Ревеле исполняли церковные обряды по русскому обычаю, были разрушены лютеранами (однако это нечестивое дело было приписано католикам). Поэтому он и объявил им войну. Взяв Дерпт и другие крепости с величайшими потерями для ливонцев, он захватил большую часть Ливонии и заложил семена продолжительной войны с Польшей. Обо всем этом я писал в той записке, которую совсем недавно отослал из этой страны к вашему святейшеству. Некоторое время его действия имели хороший результат, но впоследствии принесли московитам величайшие беды. Московскому князю нужно было размещать гарнизоны в чрезвычайно удаленных друг от друга областях и в многочисленных крепостях, а войну вести почти только с помощью своих солдат в разных местах и в течение многих лет. Защитники крепостей оставляли дома жен бездетными. Если кто-нибудь из них погибал, его место занимал другой, — в результате народ очень поредел. К тому же нужно было еще обучать стрельцов (или, как их обычно называют, фистулаторов, или склопетариев), которые пользуются небольшими ружьями. Этот вид оружия был неизвестен его предкам, пользовавшимся почти только луками и стрелами. В войско набирают каждого десятого. Они становятся либо княжескими телохранителями, либо служат на войне, либо размещены по гарнизонам крепостей. Дома они оставляют жен и детей, и иногда, в случае их гибели, дома мало-помалу лишаются людей. Многих погубила чума, о которой никогда до этого времени не

было слышно в Московии из-за очень сильных здешних холодов и обширных пространств. Многочисленные войны, казни многих тысяч людей (даже знатных), постоянные набеги татар, сожжение ими 12 лет тому назад столицы (к этому можно прибавить постоянные победы короля Стефана в течение последних 3-х лет) довели князя до такого состояния, что его силы можно считать не только ослабленными, но почти подорванными. Известно, что иногда на пути в 300 миль в его владениях не осталось уже ни одного жителя, хотя села и существуют, но они пусты. В самом деле, ровные поля и молодые леса, которые повсюду выросли, являются свидетельством о ранее более многочисленных жителях; впрочем, области, расположенные к северу от Москвы, имеют весьма значительное число людей, так как не испытывают набегов татар и обладают более здоровым климатом. Об этом в ответ на мои тщательные расспросы рассказали те итальянцы и испанцы, которым в знак расположения к вашему святейшеству и католическому государю великий князь московский даровал свободу и которых я привез с собой в Италию. Они убежали из турецкого плена через Азовское море, 18 месяцев странствовали на этих обширных землях, проехали огромные расстояния и, наконец, были переправлены в Вологду.

Между Казанью и Астраханью есть пространство, представляющее собой огромную пустыню с очень редкими жителями, так что путешественники, которые ездят туда и обратно, и княжеские посланцы поддерживают жизнь часто в течение целых месяцев только тем, что добывают рыбной ловлей или охотой, не имея какой-либо другой пищи и хлеба.

НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ ГОРОДА И НАРОДЫ МОСКОВСКОГО КНЯЗЯ

Наиболее значительные по многолюдству и известности города по эту сторону Дона следующие: Москва, Смоленск, Новгород, Псков, Тверь и, кроме того, к северу Вологда (а к востоку — Казань и Астрахань, которую Джовио и другие называют Цитрахан). К городам они причисляют Ярославль, Александровскую слободу и еще несколько городов подобного рода, хотя, пожалуй, их стоило бы называть «городки», если бы не то обстоятельство, что они имеют, по местному обычаю, крепости, не заслуживающие пренебрежения.

Достоин удивления то, что некоторые приписывают им население в сотни тысяч простого народа и десятки тысяч знатных людей, которые зовутся здесь боярами. Они повторяют сведения Альберто Кампензе (сочинение которого ваше святейшество передало мне для прочтения перед моим отъездом в Московию) и того же Джовио (составившего свои «Записки» на основании сообщений некоего москвиты Дмитрия, присланного отцом нынешнего князя к папе Клименту VII). Однако я не знаю, какую долю правды они содержат. То же самое делали и другие, которые по выполнении посольской миссии возвратились оттуда. Я считаю, что послы иностранных государей, так как их принимают с изысканнейшими почестями, недостаточно хорошо поняли обычай московского князя собирать людей и расставлять их в середине города и на наиболее возвышенных местах. Упомянув о делах, чуждых им, они могли (как это часто бывает) превозносить их несоответственно истине. Конечно, могло быть и так, что они немного ошибались, так как москвиты (как мы говорили) во времена наших дедов меньше воевали, меньше переносили болезней, не были уменьшены столькими казнями, в меньшем количестве размещались в крепостях и не оставляли опустелых домов без потомства.

Что касается царской столицы, которой, как я говорил, является Москва, я сообщаю следующее: в настоящее время в ней не насчитывается и 30 тысяч населения, считая детей обою пола. И какое бы впечатление ни производил город на человека, подъезжающего к нему, когда приезжий оказывается на небольшом расстоянии (я не говорю уже о въехавшем), открывается картина, более соответствующая истинному положению дел: сами дома занимают много места, улицы и площади (а их несколько) широки, все это окружено зданиями церквей, которые, по-видимому, воздвигнуты скорее для украшения города, чем для совершения богослужений, так как по большей части почти целый год заперты. Конечно, и при нынешнем государе Москва была более благочестива и многочисленна, но в 70-м году нынешнего века она была сожжена татарами, большая часть жителей погибла при пожаре, и всё было сведено к более тесным границам. Сохранились следы более обширной территории в окружности, так что там, где было 8 или, может быть, 9 миль, теперь насчитывается уже едва 5 миль. И так как быки, коровы и прочие подобные животные, ежедневно выгоняемые на пастбища, содержатся в городских домах, большая часть которых

окружена изгородью или плетнем, дома имеют вид наших деревенских усадеб.

Однако в двух московских крепостях, одна из которых примыкает к другой, есть нечто более великолепное. Одну из них украшают несколько замечательных храмов, построенных из камня (в то время как остальные храмы города деревянные), и княжеский дворец, другую же — новые лавки, которые расположены каждая на своей улице по характеру представленного в них товара. Но так как эти лавки малы, то в одной венецианской лавке, кажется, больше товара, чем хранится на целой московской улице. Здесь почти не живут, и, конечно, те, кто имеет свое жилище в городе, ясно показывают этим, насколько это им важно.

Я склонен думать, что в Смоленске, Новгороде и Пскове насчитывается одинаковое количество народа — то есть, когда нет войны, они в конечном итоге насчитывают по 20 тысяч жителей каждый. Сколько бы москвиты ни хвастались, говоря о большем количестве, я не думаю, чтобы населения было больше по тем причинам, о которых я говорил, и из-за огромных расстояний между храмами и домами. При прибытии послов крестьяне, живущие в селах и деревнях, собравшись по приказу государя (о чем было сказано выше), создают видимость многолюдства.

Но уже гораздо малочисленнее народ в Твери, которая издали производит впечатление большого и красивого города. На самом деле, она не окружена стенами, хотя имеет значительное количество разбросанных повсюду домов, она почти не испытала потерь на войне и нападений врагов.

По этой же причине Вологда и Казань, но в особенности область, простирающаяся на север, изобилует населением. Но как бы ни обстояло дело, сколько бы земель ни занимал московский князь от границы Литвы и Ливонии до Каспийского моря, Лапландии, Черемисии и прочих, скорее пустынь, чем населенных мест, справедливо говорят, что он выводит в строй 200 или 300 тысяч конницы и, кроме того, имеет бесконечное множество татар, которых, если захочет, может посылать в военные походы.

КРЕПОСТИ МОСКОВСКОГО КНЯЗЯ И СПОСОБ ИХ ЗАЩИТЫ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ

Крепости и укрепления, существующие в настоящее время у московитов, довольно значительно отличаются от тех, что были в прежние времена. Укреплены они не одним и тем же способом.

Некоторые сложены из камня и кирпича, к ним относятся две крепости в Москве, крепости в Новгороде, самом Пскове, Порхове, Старице, Александровской слободе, отчасти в Ярославле, а также на Белом озере.

Другие же состоят из земляного вала и плетней, спрессованных до твердого состояния, как, например, в Смоленске. И в самой Москве есть сооружения из стен, возведенных после татарского пожара. Остальные, сложенные из бревен, скрепленных четырехугольником с землей или песком посередине, выдерживают натиск и удары, но не выносят огня. Поэтому их иногда обмазывают глиной. Но вообще у них нет вынесенных вперед укреплений, которые отвечали бы предъявляемым к ним требованиям (что так свойственно нынешнему и прошлому веку).

Две крепостные стены в Москве построены по приказу князя Василия, отца нынешнего государя, миланским архитектором и итальянскими строителями. Память об этом сохраняется в надписи над воротами в крепостной стене, сделанной латинскими буквами под святым ликом пречистой девы. Эти высокие стены и расположенные повсюду башни свидетельствуют о творении, достойном царя.

То же самое наблюдается и в Новгороде, но в самой крепости, кроме того храма, возле которого живет архиепископ со своим окружением, едва ли есть подобные ему строения. Новгород был построен в древние времена почти в виде круга, а в прошлом году некий римский архитектор окружил его валом и заключил близлежащий монастырь в новые укрепления. Выдающиеся вперед из этого вала укрепления, расположенные на соответствующих местах для того, чтобы помешать врагам взобраться [на вал], могут выдержать натиск больших осадных орудий.

В Пскове есть, во-первых, стена из камня, добываемого из русла реки, во-вторых, стена с башнями, проходящая по середине города, который имеет форму как бы вытянутого треугольника. Примыкающие к этой стене три ряда укреплений представляют собой необычный способ защиты и, как мы могли это наблюдать временами, находясь в лагере польского короля, давали осажденным силу, а осаждающим приносили заботы и беспокойство. Осаждающие сбивали только зубцы, а стену, выступающую из пола от самого основания, не смогли повредить ни молотками, ни кирками настолько, чтобы ее разрушить. Тем, кто по своей предприимчивости взобрался на высокие стены, предстоял еще спуск, где москвиты встречали их ударами. Если осаждающие пытались спрыгнуть, то оказывались отрезанными от остального войска городскими стенами, так что все должны были погибнуть. Хотя вторжение на первых порах могло показаться успешным, однако солдаты, если им и удавалось спуститься, оказывались настолько запертыми среди деревянных домов, которыми сплошь застроен город, что стоило появиться огню, как они сами должны были бы сгореть. Москвиты же оказались бы в безопасности в окруженных стенами крепостцах. Кроме того, воевода этого города позаботился построить повсюду среди крепостных башен другие, тоже деревянные, предназначенные для того, чтобы поставить на них более крупные орудия, из которых можно было бы вести постоянный обстрел.

Таким же образом москвиты построили из бревен большую башню в Полоцке, которая почти не давала возможности приблизиться в каком бы то ни было месте со стороны лагеря или с любой другой стороны. Между прочим, несмотря на ожесточенный обстрел польскими ядрами, она почти не покосилась. Тем не менее, в конце концов она была взята благодаря мужеству короля Стефана, усилиям и храбрости королевских войск.

В Порхове, кроме башни, под которой находятся единственные ворота и крепость и откуда можно подняться куда угодно по лестницам, нет никакого другого оборонительного сооружения, поражающего врагов при их приближении. Москвиты отражают врагов от стен или в рукопашном сражении, или отгоняют их на расстоянии пиками и ядрами.

Способ укрепления других крепостей почти такой же. В Смоленске крепостные валы, которые с одной стороны омывает река Днепр, тройное укрепление такого рода и крепость, расположенная на вершине холма вместе с храмом, могли бы доставить много хлопот осаждающим. Вал имеет на небольшом расстоянии друг от друга отверстия, где можно разместить для защиты небольшие пушки, если бы кто-нибудь попытался начать штурм.

Вот что можно сказать о способах укрепления крепостей.

Насколько слабо защитники сопротивляются полякам в открытом бою или в поле, настолько решительно они защищают крепости и города. Даже женщины часто выполняют обязанности солдат: приносят воду заливать начавшийся пожар, бросают со стены собранные в кучи камни или скатывают бревна, заранее приготовленные для этого. Этим они приносят большую пользу своим, а врагам наносят большой урон. Если кого-нибудь из защитников при натиске врагов разрывает при взрыве на части, его место занимает другой, второго — третий. В конце концов никто не щадит ни сил, ни жизни.

Они привычны к холоду, часто защищаются от дождей, снега и ветра только лишь с помощью какого-нибудь плетня из веток или плаща, натянутого на вбитые колья. Кроме того, они очень терпеливо переносят голод, довольствуясь намешанной в воде овсяной мукой, куда добавляют немного уксуса — вместо питья, и хлебом в качестве пищи. Польский король рассказал мне, что в ливонских крепостях находились такие, которые питались таким образом очень долго, так что почти все уже пали. Оставшиеся же в живых, хотя чуть дышали, держались до последнего момента, беспокоясь лишь о том, как бы не сдать осаждающим, по-видимому, чтобы хранить верность своему государю до самой смерти. Именно поэтому они стремятся своей храбростью одолеть более многочисленных врагов или по крайней мере обессилить их своей выносливостью и терпением.

Но это в разных местах бывает по-разному.

ДРУГИЕ СИЛЫ МОСКОВСКОГО КНЯЗЯ

Великий князь всё держит в своих руках: города, крепости, села, дома, поместья, леса, озера, реки, честь и достоинство. На столь обширном пространстве земель, по-видимому, ничто не может быть значительнее тех сил и богатств, которыми он владеет. Они были гораздо больше, когда мир давал возможность шире развиваться торговле, когда процветала Ливония, а плавание по Балтийскому морю было очень оживленным. Но когда всё это было разрушено и ослаблено, силы его тоже должны были уменьшиться, хотя внешний вид княжеского величия не изменился.

Считают, что князь обладает огромными сокровищами: сколько бы ни ввозилось в Московию обработанного или необработанного золота, всё это, насколько возможно, он собирает и почти никогда не разрешает вывозить. Даже серебро едва ли когда-нибудь вывозится, разве только для выкупа пленных или при наборе иноземных солдат, что, однако, бывает редко.

При обмене московиты часто пользуются мехами и шкурами вместо денег, а если отправляются куда-нибудь, по большей части и самую пищу берут с собой. Талеры (германские монеты) они обменивают на «деньги» и «московки» (этими словами они называют свои монеты). Их теперь гораздо реже, чем раньше, чеканят из чистого золота, так как любой золотых дел мастер изготавливает их по своему усмотрению, не заботясь о том, что было до него. Если, возвращаясь откуда-нибудь, послы привозят золотые или серебряные дары, московский князь отбирает их в свою казну, причем может выплатить им в серебряных монетах какую-нибудь сумму, а может и не выплатить. Отец его, разграбив ливонские города и храмы, вывез на тяжело груженных повозках сколько мог богатств, золота, серебряных и золотых сосудов, чаш и других вещей такого же рода. Поэтому нет сомнения, что у великого князя скопилось огромное количество этих вещей. После татарского набега и сожжения Москвы он разместил их в трех крепостях: Москве, Ярославле и Белом озере.

В городах и княжествах нет таких самостоятельных правителей, которых у нас принято называть князьями. Это — почетный титул, которым они пользуются, чтобы придать себе, а скорее своему государю больше чести, а также для обозначения наместничества.

Правда, некий татарин, доказавший верность нынешнему князю при взятии Казани и перешедший в русскую веру и схизму, получил город Коломну и некоторые другие города. Кроме того, за ним осталась и часть его владений. Тем не менее полная власть принадлежит московскому князю, кроме некоторых доходов, идущих татарину, и те князь может отнять, когда захочет.

Если же он дарует кому-нибудь села и деревни, они не передаются по наследству, если это не утверждается князем. Крестьяне из своих доходов выплачивают ему подать и отработывают, как и господину. Оставшееся, как бы мало оно ни было, оставляют себе на пропитание или используют как-нибудь еще. В результате этого никто не может определённо сказать, что ему что-либо принадлежит, и (хочет — не хочет) каждый зависит от воли князя. Если у кого-нибудь есть излишки, он тем более чувствует себя связанным, сделавшись более состоятельным, тем более боится за себя. Поэтому часто они все отдают князю. Отсюда возникает угодливость и страх, так что никто не смеет рта раскрыть, а переселением людей в разные гарнизоны пресекаются пути к заговорам. Если у князя возникает малейшее подозрение в чем-нибудь подобном, за этим следует казнь таких князей, их сыновей, дочерей, крестьян, даже и невинных. Так случилось не один раз.

Один знатный человек из княжеского окружения мне рассказал, что приобрел кое-какие поместья, но в течение многих лет он не может позволить себе покрыть крышей и отстроить деревянные дома. Крестьяне, на которых возложена эта обязанность, задавленные работами на князя, не имеют возможности вздохнуть.

Существует 40 германских семей из тех, что были вывезены из Ливонии, оставленных в Москве для занятий ремеслом по приказу князя. Остальные, а их было очень много, отосланы в Казань, и другие места. С них ежегодно взимается денежная подать. Конечно, они, поразмыслив, стали уже называть верховного первосвященника самым почтительным образом и не отказывали мне ни в малейшем знаке внимания, помня, какой почет когда-то воздавала Ливония апостольскому престолу, каким миром пользовалась, какими славными именами называлась (например, оплотом христианского мира), когда знала католических и законных своих государей и, в

особенности, когда зависела от великого первосвященника. Когда же эта отеческая власть была утрачена, ливонцы в скором времени были почти уничтожены рыцарями тевтонского ордена, когда те дерзко нарушили церковный устав. Позже они напрасно просили помощи отовсюду и, наконец, попав под ярмо еретиков, начали влачить самую жалкую жизнь в московском государстве, если можно назвать жизнью это существование в ереси.

Что касается самих лесов, озер и рек, то, сколько бы ни собирали оттуда дорогих мехов и рыбы (а ее великое множество), значительной частью всего этого владеет князь. Меха предназначаются для подарков и продажи, сушеная рыба для снабжения крепостей и в пищу, и всё, что из этих запасов предоставляется князю, оказывается наилучшим. Никто не может распродавать своего прежде, чем не будет распродано принадлежащее князю.

Назначенные писцы или переписчики (их называют испорченным греческим словом «дьяк», т. е. служитель, слуга) не только в княжеском дворце с величайшим старанием записывают счета и приход, но и в каждой области всё тщательно собирают и предоставляют главному казначею.

Пошлины не очень велики. Послам разрешается привозить с собой сколько угодно купцов, которые по приказу князя ничего не платят и получают от него содержание. Когда-то астраханские купцы приезжали с берегов Каспийского моря и из Персии гораздо чаще, но из-за того, что большая часть татар была разбита, и из-за длительной войны с Персией, этот рынок стал менее многолюдным.

Я не слышал о золотых или серебряных рудниках, железные же существуют, но здешние люди, не очень деятельные, их почти не разрабатывают.

Князю все оказывают такой почет, который едва можно представить в помышлении. Они очень часто говорят (если даже так и не думают), что их жизнь, благополучие и все остальное дарованы им великим князем. По их мнению, все приписывается милости божьей и милосердию великого царя, то есть короля и императора, как они

называют своего князя. И под палками, и чуть не умирая, они иногда говорят, что принимают это как милость.

Могло бы показаться, что этот народ скорее рожден для рабства, чем сделался таким, если бы большая часть их не познала порабощения и не знала, что их дети и все, что они имеют, будет убито и уничтожено, если они перебегут куда-нибудь. Привыкнув с детства к такому образу жизни, они как бы изменили свою природу и стали в высшей степени превозносить все эти качества своего князя и утверждать, что они сами живут и благоденствуют, если живет и благоденствует князь. Что бы они ни видели у других, этому не придают большого значения, хотя мыслящие более здраво и побывавшие за границей без особого труда признают силу и могущество других [государей], если не приходится опасаться доносчика.

Купцы с берегов Померании, из Голландии и Англии обычно переправляются в Московию через Балтийское море для покупки воска, кожи и мехов. А некоторые голландские и английские корабли, груженные медью и другими товарами, ежегодно приходят по верхнему Северному океану (его называют «Ледовитым», суровым, жгучим) в порт св. Николая 32 почти в самый Петров день. Отсюда товары перевозятся почти за 100 германских миль в Вологду, оживленный рынок Московии.

СОВЕТНИКИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

При князе находятся 12 знатных людей, которые выносят приговоры по тяжбам и докладывают ему о наиболее важных делах. На их обязанности лежат также другие дела и книги прошений (так как князю их не передают). Они перемещаются в ранге и должности по усмотрению государя.

Когда я был в Московии, их имена были следующие: Иван, сын Федора (они говорят «Федорович»), два его сына Федор и Семен. Затем Никита Романович, сестра которого Анастасия была когда-то женой государя (о ней я писал вашему святейшеству в первой книге). Андрей Щелкалов, канцлер, его брат Василий, Богдан (то есть которого бог дал, богом данный) Яковлевич Бельский (он целых 13 лет

был первым любимцем князя и спал в его опочивальне), Невежа, брат Богдана, Василий Иванович Зюзин, родившийся в Литве, после того как туда бежал его отец, москвит по национальности. Став старше, он перебежал в Московию. Он почти один из всех немного знал полатыни (польский язык знал Андрей Щелкалов). Игнатий Татищев, Баим Воейков, Михаил Андреевич Безнин. Имя казначея казны, или сокровищницы, — Петр Иванович Головин.

На обязанности канцлера лежит размещение знатных людей по крепостям, которые содержатся за счет земель и поместий, приписанных к ним князем. Этим людям едва ли дается какое-нибудь жалованье или после многих лет службы освобождение от обязанностей.

В остальном наместники крепостей и городов управляют так, что знают, кому из бояр посылать письма на имя князя. Им отвечают от его имени, хотя сам он никогда не подписывает собственноручно писем к ним или к другим государям.

СЫНОВЬЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МОСКОВСКОГО

Великий князь московский Иван Васильевич от своей первой жены Анастасии имел двух сыновей — Ивана и Федора. В первый мой приезд оба они были живы. Ко второму приезду первенец Иван, достигший 20 лет, уже способный управлять государством и любимый москвитами, скончался. Говорят, у князя рождались сыновья и от других жен, но впоследствии умирали.

Сведения о смерти Ивана имеют большую ценность. Это обстоятельство достойно упоминания потому, что оно оказало большое влияние на смягчение нрава князя, так что во время наших бесед он многое выслушивал снисходительнее, чем, может быть, сделал бы раньше.

По достоверным сведениям, сын Иван был убит великим князем московским в крепости Александровская слобода. Те, кто раз узнавал правду (а при нем в это время находился один из оставленных мною переводчиков), передают как наиболее достоверную причину смерти следующее:

Все знатные и богатые женщины по здешнему обычаю должны быть одеты в три платья, плотные или легкие в зависимости от времени года. Если же надевают одно, о них идет дурная слава. Третья жена сына Ивана как-то лежала на скамье, одетая в нижнее платье, так как была беременна и не думала, что к ней кто-нибудь войдет. Неожиданно ее посетил великий князь московский. Она тотчас поднялась ему навстречу, но его уже невозможно было успокоить. Князь ударил ее по лицу, а затем так избил своим посохом, бывшим при нем, что на следующую ночь она выкинула мальчика. В это время к отцу вбежал сын Иван и стал просить не избивать его супруги, но этим только обратил на себя гнев и удары отца. Он был очень тяжело ранен в голову, почти в висок, этим же самым посохом. Перед этим в гневе на отца сын горячо укорял его в следующих словах: «Ты мою первую жену без всякой причины заточил в монастырь, то же самое сделал со второй женой и вот теперь избиваешь третью, чтобы погубить сына, которого она носит во чреве».

Ранив сына, отец тотчас предался глубокой скорби и немедленно вызвал из Москвы лекарей и Андрея Щелкалова с Никитой Романовичем, чтобы всё иметь под рукой. На пятый день сын умер и был перенесен в Москву при всеобщей скорби.

Отец следовал за телом и (при приближении к городу) даже шел пешком, в то время как знатные люди, все в трауре, прикасаясь к носилкам концами пальцев, как бы несли [их]. Одежду, сшитую по случаю траура, они носили и при нашем возвращении, Волосы их были распущены в знак скорби, они не носили шапочек, обличающих их знатное происхождение. В этом мы увидели дивную милость божественного провидения и справедливости, так как при первом нашем приезде к князю они насмехались над тем, что мы одеты в черное и приехали как бы в лохмотьях (ведь этот цвет им непривычен и служит знаком скорби); теперь сами по случаю траура по умершем Иване они вынуждены им пользоваться и не осмеливаются заикнуться об этом.

Что касается прочего, то князь, созвав думу, сказал: по его грехам случилось, что Иван умер, были некоторые другие обстоятельства, которые давали повод сомневаться, будет ли власть прочной, если она

перейдет к младшему сыну Федору. Князь потребовал от бояр, чтобы те подумали, кто из наиболее знатных людей царства мог бы занять место государя. Они ответили ему, что не хотят никого другого, кроме того, кто остался в живых — Федора, потому что им нужен тот, кто является сыном государя. Они убеждали его снять с души скорбь, и, хотя он объявил, что примет монашеский чин, пусть он оставит это намерение, хотя бы на время, пока дела в Московии не станут более прочными. Бояре держались того мнения, что о подыскании другого [наследника] он говорит для того, чтобы узнать настроения, и, если бы он заметил, что кто-нибудь обратил внимание на другого, то и он, и тот, который пришелся ему по душе, расстались бы с жизнью.

Каждую ночь князь под влиянием скорби (или угрызений совести) поднимался с постели и, хватаясь руками за стены спальни, издавал тяжкие стоны. Спальники с трудом могли уложить его на постель, разостланную на полу (таким образом он затем успокаивался, воспрянув духом и снова овладев собой). Однако некоторые не переставали обдумывать разные варианты, кто же, наконец, мог бы быть наследником, если бы что-нибудь случилось с Федором, так как не было из этого рода другого [наследника] и 30 лет оставалось свободным место конюшего, которому эта власть могла быть передана (как наместнику).

После смерти Ивана князь, отдаваясь слезам, одетый в полный траур, приказал тем послам, которые отправлялись вместе со мной к вашему святейшеству, не выдавать другой одежды, кроме черной, хотя и шелковой. Во всем его царстве (и особенно при дворе) тот же вид, заупокойная служба, корона снята, и, если кто-нибудь блистал другой одеждой, едва ли она была великолепной.

Во все монастыри он разослал много денег на спасение души сына. Кроме того, с Ахматом, не то турецким послом, не то наместником, который был в Москве в течение трех лет, потому что войско польского короля [всюду] бродило и дороги для возвращения были небезопасны, он послал двух москвитов к патриархам и в восточные монастыри, дав им по 10 тысяч рублей (рубли ценятся немного больше двух крон) на раздачу милостыни и чтобы получить утешение по смерти сына. Ведь каждые три года к ним же на Восток он посылает деньги, так как русские там почерпнули в старину

знакомство с греческой верой, которую имеют и сейчас, хотя уже во многом [с ней] расходятся.

СПОСОБ ПРИЕМА ПОСЛОВ В МОСКОВИИ И ОБРАЩЕНИЯ С НИМИ

Рассказ Герберштейна о приеме чужеземных послов у московского князя достоверен, но относится к более ранним временам.

Нам, кроме всего прочего, разрешили также посетить крепости Смоленска и Новгорода, где в знак величайшего уважения нас встретили залпами больших пушек.

Говорят, что не всегда это было принято по отношению к другим послам, прибывавшим к их государю.

Приказано было также сначала епископу смоленскому, а затем архиепископу новгородскому во время пребывания в Смоленске и Новгороде доставлять нам обильнейшее угощение по обычаю этого народа. Сами же епископы просили нас оказать им честь присутствовать на богослужениях, которые они совершали в ярко освещенных и пышно разубранных по приказу государя храмах.

Мало того, сам государь, собрав в Москве на обширной площади тысяч 5 народа, чтобы придать этому событию больше блеска и величия, сошел из своего дворца с боярами и приближенными (впереди шли священники, неся икону пресвятой богородицы), чтобы отвести нас в храм. Там он приказал приготовить почетное место, откуда мы могли бы видеть церемонию их богослужения. Но мы по некоторым соображениям не захотели ни присутствовать на богослужениях, совершаемых их епископами (если их можно назвать епископами), ни войти в храм вместе с москвитом. А так как мы смело отказались от этого перед лицом государя и великого множества народа, кое-кто стал думать, что с нами будет. Многие москвиты стали колебаться в своем слишком высоком мнении о собственной религии. Соображения, которые мы тогда ему публично высказали, и причины отказа мы изложили в другом сочинении. Главная причина заключалась в том, чтобы не создавать впечатления, будто бы посланец вашего святейшества все это одобряет и оказывает почтение

и благоговение епископам, не утвержденным апостольским престолом. Государь и все остальные имеют обыкновение прикладываться к их руке, низко склонив голову к земле. Великий князь вызвал шесть епископов, не считая митрополита, как для богослужения, так и для беседы со мной о религии. Однако, получив наше сочинение, которое государь еще раньше просил при всех у меня, о различии между католической верой и русскими догматами, они не сказали ни слова. Только один из них, архиепископ ростовский, все одобрил, был сослан в изгнание, лишен сана и умер более счастливый, чем те, кто пережил его. На трех пышных пирах, куда государь приглашал меня вместе со всеми моими людьми и в первый, и во второй приезд, всё было обставлено с царским великолепием. Кроме продовольствия и средств на прожитие, которые доставлялись нам в достаточном количестве по его приказанию приставами (это слово обозначает знатных людей, приставляемых к послам, и значит приблизительно «привязанный»), он посылал нам каждый день кушанья со своего стола.

За день до да назначенных переговоров с ним и его советниками, он присылал трех человек, а на следующий день рано утром — других в таком же количестве, и они объявляли, что немного позже мы увидим «ясные очи» великого царя. Таким образом мы были подготовлены. А через час приставы объявляли нам, что прибыли приближенные люди и некоторые советники государя. Они подъезжали почти к самому подворью примерно с сотней конных людей, чтобы отвезти нас. Из них главные трое, сидя на лошадях и протянув руку, приветствовали меня от имени государя, и мы отправлялись в путь. По обеим сторонам дороги на протяжении почти 1000 шагов располагались дворцовые стрельцы в количестве около 1500 человек. После этого я входил во внутреннюю часть дворца, наполненную людьми, блистающими богатой одеждой и оружием, и меня приглашали сойти с коня. У нижних ступеней меня встречали бояре и отводили к государю. Сначала, пригласив меня сесть, он или сам беседовал со мной, или приказывал отвести меня в палату, где я должен был говорить с боярами. Иногда мы проводили там долгие часы, подробно говоря обо всем и часто до крайнего утомления. У них были свои переводчики, у меня — свои. Если я предлагал что-нибудь новое (что по ходу дела случалось часто), тотчас все они шли к государю, чтобы спросить ответа, который передавали в точности, не осмеливаясь обнаружить ничего своего. Мне нелегко было проследить

за их словами, насколько правильно и, главное, точно повторяли они то, что я предлагал. Часто после обычных почестей, конные люди и бояре выезжали мне навстречу и приводили к государю. Бояре читали мне его ответ по написанному, разделив между собой чтение на большие куски, и только после этого передавали. Поэтому в течение двух месяцев, когда приходилось постоянно говорить с этим государем, и в течение пяти месяцев, пока я ездил туда и обратно и вел переговоры с польским королем и послами польского короля и московского государя, я не получил о деле достаточно ясного представления. Только когда они собрали кое-что о старине из литовских, польских и московских дел, в которых подтверждается их точка зрения, они смело выдали их из архивов. Впоследствии из них я почерпнул немаловажные сведения для знакомства и обсуждения тамошних дел. Но так как из писем и документов, отосланных вашему святейшеству, это можно будет яснее понять, здесь достаточно об этом.

Лишь только до московского князя дошла весть о нашем прибытии, он немедленно послал нам, почти к границам своих владений, где мы разбили лагерь, всадников, лошадей, продовольствие и через своих гонцов охранную грамоту. Он дал нам 60 человек из своего окружения, которые при остановках готовы были оказывать нам всяческие услуги. Окруженные этими телохранителями, мы не могли без большой необходимости выйти из дому или послать куда-нибудь. Прислал он и лошадей в богатой упряжи, которых обычно дарят послам и на которых мы должны были ехать. Кроме того, он назначил для нашей свиты множество людей, татар и московитов, которые должны были обеспечить нам безопасный путь в лагерь польского короля, находящийся на расстоянии 600 миль, а позже выехать за пределы его владений. Всё это я правдиво описал в другом сочинении, и, думаю, этого здесь подробнее рассматривать не стоит. К большому нашему неудобству случилось, что московский князь по своей подозрительности не допускал к нам врачей во время болезни.

Как было сказано раньше, я оставил двух человек у московского князя, пока сам ездил к польскому королю, чтобы они узнавали о состоянии дел и пытались, насколько возможно, внушить этому народу сколько-нибудь благочестия. Князь обещал мне в присутствии 100 знатных людей относиться к нашим людям так же, как и ко мне,

если бы я остался. Однако им не было дано никакой возможности выходить, если не считать одного-двух раз. По приезде из Старицы в Москву их поместили в довольно тесной комнате. Они вынуждены были пользоваться одним и тем же местом как алтарем, где должны были молиться, как столом, где должны были писать и читать, и как местом, где должны были спать. У дверей постоянно находилась охрана, трое бояр и столько же простых людей. Имена их следующие: Сунебул, Куфара, Кудеяр, Куфара, Мирослав и Куроедов.

Там пробыли они четыре с половиной месяца, а пожаловавшись, что князь не сдержал обещания, получили ответ от знающего человека: князь одно обещает иностранцам, другое приказывает приставам, на словах он говорит одно, другое держит на сердце, и были многие, которым он давал гарантию свободного въезда и выезда и которые просили дозволения вернуться к себе, но тотчас поплатились за это жизнью. Поэтому у тех, кто клятвенно обещал остаться в Московии до конца своих дней, нет никакой возможности ни подойти к другим [людям], ни поговорить при встрече. Если бы кто-нибудь сделал это или на кого-нибудь пало малейшее подозрение в этом, он был бы наказан смертной казнью — будь он русский или иного происхождения. Многие хотели подойти к нам, но по этой причине не осмелились. Среди них был даже некий врач, горячо желавший очиститься таинством исповеди и получить святое причастие. Он просил разрешения прийти к нам, но не только не смог этого добиться, но и выслушал следующее грозное предупреждение: «Для чего ты, иностранец, осмеливаешься посещать людей этого народа? Если не хочешь быть убитым, остерегайся в будущем даже и предлагать такое». Но были и такие москвиты, которые стонали от этого рабства и говорили, что, пока князь не начнет другого образа жизни, нет надежды на распространение благочестия истинной веры.

Когда же я из польского лагеря или из другого места посылал со своими людьми письма без печати в одной связке с письмами к князю, чтобы не вызывать никакого подозрения, хотя они и не содержали ничего кроме того, что относилось к нашим порядкам, он их или не хотел отдавать, или приказывал некоторые из них перевести на русский язык, чтобы, как я полагаю, не оставаться в неизвестности. Он делал это, по-видимому, из-за чересчур обостренной и беспокойной подозрительности, если не из страха.

По окончании последнего большого пира перед отъездом из Москвы в Ливонию, поднявшись, он протянул мне и всем моим спутникам руку и просил меня приветствовать ваше святейшество и польского короля. Когда я вернулся домой, он прислал письма и дары, которые в конце концов были частично отданы студентам в Оломоуце, Праге и других местах, частично иногда использовались для подарков самим москвитам при проводах. Я дважды пытался отказаться от них, но бояре уговаривали меня, что не должно мне нарушать древнего обычая этого государства и портить милостивое настроение государя, ведь он сам не отверг даров вашего святейшества и своим людям, кого он посылал и пошлет туда, он позволит принимать дары от других государей. Следуя совету, данному мне раньше, принес благодарность и раздав деньги среди многочисленных придворных, я принял дары. Но, чтобы он по этому поводу узнал что-нибудь более возвышенное и святое о характере наших установлений, я обратился к нему со следующими словами, переданными ему через думных бояр:

«Позволь, милостивый великий государь, просить тебя в третий раз, наконец, во имя крови Иисуса Христа те дары, что ты приказал приготовить мне по твоему великодушию, не принять, не вызывая твоей немилости. Видит бог, я не гнушаюсь [ими] из-за какого-то пренебрежения и незнания исключительной щедрости твоей светлости. Но по моему призванию к духовной жизни, и по обетам бедности, которые я часто давал именем милосердного бога, дай ради милосердия Христа то, что я буду считать величайшим благодеянием. Вспомни, как несколько дней тому назад ты сказал мне (хотя по поводу других людей, на которых не распространялись взятые мною обеты), что самое лучшее — следовать смирению и бедности господина Христа. Поэтому позволь мне на деле следовать этому. По милости божьей, мир заключен без этих одежд и мехов, без них же, с божьей помощью, совершится остальное, что ты желаешь. Ты никогда не будешь иметь недостатка в каких-либо услугах моей верной преданности. Дорожных припасов, которые ты выдал моему товарищу Павлу для возвращения к великому первосвященнику, и тех даров, что ты отослал его святейшеству, будет достаточно. Конечно, и их я не позволил бы принять, если бы они не были необходимы при таком пути и продолжительном пребывании всех нас в королевском лагере и в этих местах и если бы мы не боялись обидеть тебя и этим помешать

лучшему. А этими дорогими мехами мы не пользуемся: скорее мы отдадим сами нашу кожу и жизнь за распространение католической веры (если такой дар будет угоден богу). Поэтому я не позволил ехать со мной купцам (хотя они этого очень добивались), чтобы от людей такого рода не случилось препятствия тому, для чего меня послали, или ссор с твоими людьми. К тому же, по милости божьей, у меня достаточно [средств], чтобы иметь возможность вернуться к великому первосвященнику. А если бы ты захотел щедро наградить меня богатым даром, сохрани ко мне то милосердие, которым ты почтил меня. Так как ты признаешь себя овцой стада Христова, подумай о том, что тебе должно следовать водительству его видимого пастыря, то есть великого первосвященника, которому господин наш Христос передал свою паству для пастыбы. Кстати, узнай: в нашем ордене состоит несколько тысяч людей. В наш век, когда открыты новые земли и Европу стали раздирать разные расколы, их, отказавшихся от имущества и от всяких забот о частных делах, господь призвал как бы в одно войско. Все мы заключили содружество во имя Иисуса, чтобы довести его имя и духовные богатства католической церкви до народов Индии, до еретиков и тех, кто не совсем соединился с Католической церковью. Поэтому и оставили мы всё. Мы не принимаем и не принимали никаких почестей, за исключением тех, которые не приносят никаких доходов и связаны с явной опасностью для жизни. Ведь некоторые из нас около 30 лет тому назад были посланы в некоторые патриаршества и епископаты Индии и Эфиопии, чтобы в этих отдаленнейших странах принести в жертву многодневные труды и жизнь во славу Христову, не получая никаких земных благ. Поэтому, куда бы снова ни послал нас святой апостольский престол, мы сможем вернуться (если будет нужно) к тебе. Позволь, если в них нет такой необходимости, не брать [даров]».

Если он и не был тронут этими доводами настолько, чтобы оставить у себя дары, однако почерпнул из них какой-то свет истины. Так были заложены основания для столь большого здания, которое, мы не сомневаемся, будет в Московии в свое время. Он же с истинно царским великодушием приказал дать нам проводников и всё в изобилии. Так мы уехали от него и направили свой путь через Россию к польскому королю Стефану.

КОГО И КАКИМ ОБРАЗОМ МОСКОВСКИЙ КНЯЗЬ ПОСЫЛАЕТ К ИНОСТРАННЫМ ГОСУДАРЯМ (ПОСЛЫ ЗДЕСЬ НЕ ОДНОГО РАНГА). ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА ВСЕМ ПУТИ С ПОСЛАМИ, ЕХАВШИМИ ВМЕСТЕ С А. ПОССЕВИНО К ВЕЛИКОМУ ПЕРВОСВЯЩЕННИКУ

Великий князь московский пользуется табеллярными, интернунциями и так называемыми «великими» послами для ведения с иностранными государями дел, касающихся войны, мира и торговли. Табеллярии: называются «гонцами», они только возят письма. Интернунции — «посланцы», они же «малые послы», — кроме писем имеют некоторые поручения. Их обычно сопровождает несколько человек свиты. Главные послы (их обыкновенно трое, не считая секретаря) называются «великими послами». Их довольно редко посылают дальше королевства польского, так как им полагается большая свита, а содержание не предоставляется (так принято и в Московии и в Польше). Для продолжительного путешествия за пределами королевства польского необходимы были бы значительные суммы денег, а князь на это или им совсем не дает денег, или дает очень мало. Польский король и великий князь московский, так как это считается у них проявлением уважения, обычно посылают 100 или 200 человек со своими послами, к которым присоединяются и купцы. Впрочем, сами московские послы возят с собой товары для продажи, что не очень пристойно для выполняющих такие обязанности. Поэтому, если они что-нибудь дарят, это делается для получения большего вознаграждения и ответного дара, а если этого не дают, они выпрашивают и почти вымогают. Московские послы, прибыв в Киверову Горку (небольшое селение под Ямом Запольским) вместе со свитой в 300 человек, открыли лавки и в промежутках между делами заключения мира, возложенными на них, исправно занимались продажей и обменом с поляками через своих людей,

Из Новгорода, находящегося на расстоянии около 200 миль, вскоре они стали получать продовольствие и приготовленную пищу (хорошо сохранявшуюся на морозе), так что вообще не делали никаких расходов. Кстати, это обстоятельство было нам удобно, так как каждый из 4 послов по поручению своего государя присылал пищу, чередуясь по дням с другими.

В самом разгаре зимы мы помещались в палатках, раскинутых в глубочайших снегах. Постоянно горевший огонь кое-как изгонял оттуда страшный холод, а часть наших людей помещалась в каких-то деревянных хижинах, полных сажи и дыма. К тому же окрестные поля были опустошены королевскими войсками, поэтому едва ли можно было что-нибудь купить, кроме хлеба. Гнилая вода или снег, едва растаявший на огне, составляли питье для лошадей и шли на приготовление горячей пищи.

Тем не менее послы московского князя, приезжая к другим иностранным государям, если не получают даром лошадей, помещений, проводников, подарков, тотчас начинают превозносить до небес милосердие, щедрость и могущество своего государя (так по большей части его называют), а других, как бы велики они ни были, обыкновенно бранят за бедность.

Узнав это на примере Шевригина, первого посла к вашему святейшеству, и познакомившись с такими же привычками многих других, при учреждении второго посольства в Рим я убедил московского князя послать не больше 10 человек.

Мне предстояло проделать путь во много тысяч миль: сначала отправиться в Оршу, оттуда в Ливонию и Польшу, а затем через Германию в Италию. Я видел, что моя обязанность сопровождающего будет гораздо более трудной, если посольство будет состоять из 100 или 200 человек, которым нужно будет повсюду добывать продовольствие. При этом создавалась опасность, что погибнет все то, ради чего святой апостольский престол потратил при московском посольстве столько стараний, забот, трудов и средств, если всё не будет предоставляться им бесплатно.

Во главе посольства стояли два знатных человека, вместе с которыми мне нужно было действовать, чтобы исполнить дела величайшей важности и скрепить дружбу христианских государей. К этому посольству великий князь приставил переводчика, отвергшего католическую веру и принявшего схизму (что он сделал в целях своей безопасности и выгоды). Мы с трудом от него отказались и потребовали себе другого знатного поляка и католика, чего и достигли. Важно, чтобы по возвращении из этого посольства кто-

нибудь мог рассказать москвиту об истинном положении вещей и дружелюбии католических государей, если остальные попытаются очернить всё это своими измышлениями.

Много неприятностей случилось из-за Шевригина или, скорее, из-за его спутника, бывшего когда-то католиком, потом лютеранином и, наконец, погрязшего в ошибках русской веры, который в Каринтии убил итальянского переводчика, прибывшего из Московии, как только я уехал от них, направляясь к великому герцогу Карлу. Тогда они с трудом вырвались из Италии, где перед этим были приняты с большим почетом и одарены богатыми подарками.

При втором посольстве никогда не бывало ни резни, ни каких бы то ни было ссор, из-за которых нужно было бы прибегать к оружию. Без сомнения, они предавались бы им, если бы их не удерживали соображения дружбы, надежда на подарки, а иногда и страх. Допускалось, что иногда они платили за постой из своих средств, и, хотя они делали это неохотно, однако, это помогло им лучше оценить щедрость итальянской церковной власти (которой они были приняты лучше, чем могли ожидать).

В этом путешествии для меня стали понятны характеры тех москвитов, которых я сопровождал: мы узнали их довольно хорошо, так как я должен был отвезти их обратно по приказу вашего святейшества в царство польское.

Когда мы прибыли в первый раз туда из Московии, и они удивились, что не нашли посланных им навстречу по обычаю от польского короля лошадей с продовольствием, им ответили: достаточно будет и того, что по приезде к королю их радушно примут, а вносить в польское королевство московский обычай приема послов не следует. Однако, по нашей просьбе, они были достаточно радушно приняты королем в Риге.

В Ливонии мы узнали, что те дома, которые были построены с большими затратами рижским архиепископом и магистрами тевтонского ордена, разрушены москвитами и грозят совсем рухнуть, они полны грязи, окна выбиты, и они открыты для непогоды. Москвиты отвергли их и предпочли скорее жить в выстроенных ими

деревянных домиках, полных копоти. Поэтому, вспомнив также о разрушениях, причиненных готами Колизею, триумфальным аркам и всему Риму, я уже не удивлялся тому, что остается в сердцах людей, которые не могут вынести блеска и величия других народов. Даже торжественное шествие цезаря при большом стечении народа, когда он въезжал в священный Аугсбург на собрание имперского сейма, не могло заставить их по доброй воле посмотреть на него. Столь большое количество городов и знатных людей не трогало их настолько, чтобы они похвалили это от души. В Богемии и Германии было так: сколько бы они ни израсходовали средств, находясь там, по приказанию его императорского величества они получали возмещение, да и в качестве подарков им было дано много серебряных сосудов. Когда же мы приблизились к Италии и вступили в венецианские владения, их принимали во всех городах с величайшей пышностью. Прежде всего, в Вероне они были приглашены осмотреть крепости, возле которых были собраны многочисленные отряды солдат, принявших их с почетом. Жители Виченцы в полной мере проявили свое дружелюбие, не говоря уже о щедрости, которая свидетельствует о высшем благородстве души (так что этот город более всего достоин похвалы в этом отношении). То же самое было и в Падуе.

Оттуда мы прибыли в Венецию, и в этой светлейшей республике были приняты со всякого рода почестями. Но так как эти люди не очень-то привыкли к вещам такого рода и так как они считали, что все подвластно их государю, да и жить они привыкли более широко, [поэтому] они были недовольны, что им отвели помещение, хотя и очень удобное, в доминиканском монастыре. Понадобилось много настойчивости и терпения, чтобы удерживать их в пределах повиновения, ведь те, кому была поручена забота о них московской думой, усиленно просили нас, чтобы мы от них не отходили. Пока я занимался приготовлениями к отъезду, греки, много лет тому назад переселившиеся в Венецию, тайно упросили московитов оказать честь посетить их храм и выслушать богослужение по греческому обряду. Знатные молодые люди, приставленные к ним сенатом для сопровождения по городу, еще не поняли, какое значение может иметь это обстоятельство, и приказали, чтобы этот храм был богато убран, и на следующий день русские схизматики были приняты греческими схизматиками. Когда это дошло до моих ушей, я поспешил к монастырю и, увидев московитов и венецианцев вместе с греками,

направляющихся к их храму, обратился к ним с такими словами: «Яков Молвянинов (так звали первого посла), твой государь поручил тебя мне, чтобы ты действовал по тому плану, который я тебе укажу. Я везу тебя к великому первосвященнику, а не к грекам, поэтому иди домой».

Он повиновался. Но некоторые греки отнеслись к этому самым неподобающим образом и считали, что нанесено оскорбление республике, так как, по их словам, по ее приказанию московитов пригласили сюда. Я ответил им, что, когда греки объединятся с католической церковью, тогда пусть и говорят со мной, и я удовлетворю их просьбы. Некоторые греки, с которыми я беседовал отдельно, остались недовольны, поэтому мне пришлось идти в сенат. Там, выслушав мои доводы, очень умно успокоили греков, пришедших с жалобой. Все это дело было не только прекращено, но даже доставило случай лучше понять хитрости греческой схизмы.

Некоторые наиболее благоразумные люди поняли, как много зла это могло бы принести при нынешних обстоятельствах, так как часто среди греков, живущих в Венеции, находятся шпионы, обо всем доносящие неверным.

Московиты, получив от республики в дар золотые цепи большого веса, сказали своему переводчику: «Иди к дожу и скажи, чтобы он прислал нам парчи и других вещей из своей сокровищницы». Но переводчик, человек порядочный, не согласился на это.

Из Венеции мы направились в Феррару, а оттуда прибыли в Болонью, где по приказанию вашего святейшества московским послам были представлены самым щедрым образом доказательства отеческой любви со стороны светлейшего кардинала легата Чези: были закрыты лавки и оказаны совершенно необыкновенные почести. Другие светлейшие легаты, Верчелли в Эмилии, Колонна в Вицене, позаботились о том же самом. Сначала навстречу московским послам выходили из городов отряды солдат, затем магистрат подходил к воротам, оттуда с величайшим почетом их вели ко дворцу при залпах из пушек и при звуках флейт, устраивались обеды и роскошные пиры. Предупрежденные заранее, знатные люди, у которых московиты довольно дерзко выпрашивали разные вещи, перестали легко на это

соглашаться, так что москвиты стали держать себя в пределах благопристойности.

Когда мы были в Римини в доме префекта города, они убрали святые образа, чтобы на их месте поместить свои, маленькие, расписанные по греческому образцу. Мы, убрав эти последние, поставили прежние [на место], чтобы в среде католиков они не действовали столь дерзко. Поэтому позже они стали вести себя менее своевольно.

Оттуда мы прибыли на место, прославленное святой девой лореттской и большим стечением народа. Здесь они имели возможность узнать предания о чудесах, увидеть толпы паломников и постоянные молебствия.

Наконец, после того как по моему настоянию в других городах им были оказаны умеренные почести, у реки Тибра, возле города Бургеты их приняли и приветствовали самым радушным образом люди вашего святейшества. Выступив на другой день, на следующий день мы прибыли в Рим. Оттуда нам навстречу выехали знатные римляне во главе с маркизом Чези, и москвиты с величайшими почестями, при стечении большого количества народа, при залпах всех пушек, расположенных в замке Адриана, были отведены во дворец кардинала Колонны, тогда отсутствовавшего. В этом дворце им было предоставлено щедрое угощение и самые исполнительные из слуг вашего святейшества, а те, кто охраняли двери каждый день, пока ваше святейшество не вернулось из Альгида, возили их в экипажах по городу, и москвиты видели все самое красивое. Более всего они удивлялись тщательному уходу, огромным расходам и милосердному отношению, проявлявшимся в отношении к больным, затем лавкам, расписным залам, но в особенности замку св. Духа и прочим большим богадельням. Посещая одну за другой семинарии и коллегии разных городов, они стали думать, что уже самой религией Рим господствует во всем мире и что не они единственные христиане (как они обычно говорят). Замечания обо всем этом они каждый день записывали и собирались эти записи отвезти к своему государю. То же было и дорогой, когда они осматривали коллегии нашего общества в Литве, Польше, Моравии, Богемии, Германии и Италии. Особенно удивились они английской семинарии, находящейся в Риме, так как знали, что

Англия целиком заражена ересями. Видя благонравие этих учеников, они чрезвычайно умилялись и с величайшим благоговением молились и целовали мощи мучеников, которые находились в их церкви. Это же они делали и в других римских храмах, а также и в других местах. Но когда римские знатные люди привели их во дворец на Капитолии, проявив свою любезность и чисто римское радушие, и один из них предложил им (как будто это имеет какое-нибудь значение) внимательно рассмотреть куски античных статуй, ненужные памятники языческим богам, они ко всему этому (и справедливо) отнеслись с отвращением. Их больше всего отталкивало (а это и любому христианину должно внушать отвращение) то, что они видели в тех местах, где останавливались, в домах и садах некоторых людей, которым, по-видимому, больше по вкусу купидоны и вены, нежели Христос и пресвятая дева, изображение постыдных сцен или замечали лики (даже и святых), написанные для забавы, или статуи обнаженных людей и прочие дьявольские измышления. Но, увидев римские храмы и здание св. Петра, они окончательно признали, что эти храмы далеко превосходят остальные [храмы] всего мира красотой, вложенным в них трудом и великолепием. Когда они прибыли к вашему святиейшеству для приветствия, передачи даров и писем от своего государя, казалось, с некоторой неохотой они позволили привести себя целовать крест у ног вашего святиейшества, но с еще большей неохотой, когда готовились уезжать. Я так думаю, что они хотели еще даров (в первую очередь денег), хотя обоим главным лицам посольства были переданы золотые цепи большого веса, одежды из чистого шелка, шитые золотом, а всем прочим — одежда из сукна и шелка. Однако они охотно целовали крест, когда нужно было что-нибудь узнать о деле для великого князя московского, а ведь это делали не только первые христиане по отношению к апостолам, но и сами москвиты по отношению к своим епископам, у ног которых они простираются и выслушивают их, распростершись на земле и касаясь лбом пола. Они не смогли спокойно перенести того, что при отъезде из Рима их не сопровождал никто, кроме меня и моих проводников, в то время как сами они с большой свитой провожают послов иностранных государей за 4—5 миль (что они делали дважды по отношению ко мне, когда я уезжал). При возвращении делалось то же самое, что и при выезде.

Цепи (а их они надели в дорогу) и великолепнейший крест (хотя и сделанный по греческому образцу), полученные от вашего святейшества, так же как и изображение в золоте св. Марка Евангелиста, полученное от венецианцев, они взяли себе. Если бы каждый [из них] был один и не боялся доноса своему государю, с легким сердцем они всё присвоили бы себе. Правда, они стали более благоразумными, или благодаря привычке к более цивилизованным народам или потому, что при возвращении, за пределами Италии, нужно было платить из своих средств. В конце концов я доставил [их] в Варшаву, к королю польскому. В пути мы особенно боялись во избежание ссор останавливаться на том же месте, что и раньше.

После того как польский король позаботился о дарах, а они были даны с королевским великодушием, московские послы получили от меня письма к своему государю, в которых я в кратких словах ставил его в известность обо всем, а также передал им прекраснейшую икону Спасителя, посланную вашим святейшеством московскому князю (она написана на медном основании, на ней надпись греческими буквами; заключена она в оправу из слоновой кости с серебряными цветами), я отпустил их в Московию в довольно радостном настроении.

Думаю, что об этом нужно было рассказать более подробно, чтобы тот, на которого когда-нибудь будет возложено подобное поручение, меньше удивлялся тому, о чем он узнал заранее. И пусть он усердно готовит себя к терпению и мудрости, которые нужно почерпнуть от бога через молитвы.

ХАРАКТЕР МОСКОВСКОГО КНЯЗЯ И СХИЗМА

Можно с полной уверенностью утверждать: народы северных областей, и в особенности те, из сердец которых истинная религия не изгнала дикости, чем более чувствуют себя лишенными разума, тем более становятся подозрительными. Поэтому то, чего они не умеют добиться разумной деятельностью, того они стремятся достичь хитростью и силой (а москвиты также и упорством). Это в особенности наблюдается среди скифов и татар, от которых многие москвиты или ведут свое происхождение, или близки к ним. Не удивительно, если они не избавились от этой природы, которую у других народов изменило и победило благочестие. Конечно, совсем не

удивительно, что тот, к кому перешла высшая власть над своими людьми вместе с неким подобием христианской религии и кто не видел могущества других государей, считает себя выше всех (к этому нужно добавить постоянную лесть и славословие подданных). Эти три обстоятельства, в особенности с того времени, как московские князья добились свободы от татар, данниками которых они раньше были, удивительным образом возвысили их представления о себе. Это особенно свойственно государю, ныне стоящему у власти, так как он считает, что нет никого более ученого и более исполненного истинной религии, чем он сам. Едва ли когда-нибудь он подумал, что кто-нибудь превосходит его силой. Когда я иногда напоминал ему о наиболее могущественных христианских государях, он говорил: «Кто они такие в нашем мире?». Видимо, в своем высокомерии он не выносил сравнений, и всё, что воздавалось другому, он считал умалением своего достоинства. Именно поэтому великие князья московские стали называть себя сначала на словах, затем в письмах и на монетах государями всея Руси, хотя добрую часть Руси занимает король польский. Нынешний князь Иван Васильевич кроме ряда титулов, где он соизволил называться царём (или королем) казанским и астраханским, отсылая письма к туркам, приказал однажды именовать себя также императором германским. И, конечно, после того, как он стал домогаться Ливонии и устремлять взоры на Пруссию, он стал говорить, что ведет происхождение от человека по имени «Прусс», который якобы был братом цезаря Августа. Из того, что он захотел, по-видимому, укрепить дружбу с Карлом V, его братом Фердинандом и сыном последнего Максимилианом, можно понять, что в душе он лелеял мысль о дальнейшем продвижении в Германию и на Запад. Эту надежду подкрепляли раздоры между христианскими государями, губительные ереси разного рода, успехи в Ливонии, совершившееся к этому времени покорение Казани и Астрахани и мнение, внушенное самой схизмой, которую нельзя считать религией. Он считает себя избранником божьим, почти светочем, которому предстоит озарить весь мир. Впоследствии это мнение увеличили посольства к нему от некоторых государей, которые просили его расположения и поддержки, чтобы каким-либо путем уничтожить королевство польское. Даже когда я находился у него, и дела в Московии были в довольно затруднительном положении, память об этих посольствах еще не изгладилась, что льстило гордости великого князя. Наконец, еще больше поддержало его планы то обстоятельство, что один

выдающийся государь прислал ему письмо, в котором одобрял распространение лютеранской ереси в своих владениях. На основании этого у московского князя создалось представление, что все католики (которых он зовет римлянами) впали в ересь и поэтому их легко будет покорить.

В конце концов его жестокость во всех отношениях позволила ему надеяться на более быстрое осуществление своих замыслов. С ее помощью он думает одолеть любое препятствие, какое бы ни стало на его пути, в особенности когда он навел на Литву и Ливонию такой страх, что перестал сомневаться в том, что ему откроется такой же доступ в другие страны.

Что касается его схизмы, трудно поверить, насколько он ей предан. Он считает ее приемлемой на вечные времена. Мало того, он скорее что-нибудь к ней прибавит, чем убавит. Ведь тот, кто удаляется от чего-нибудь, чем дальше уходит, тем ниже падает (это всякий видит на примере реформистов нынешнего века), так же случилось и с московитами, отделившимися от схизматиков-греков, у которых они почерпнули схизму, начавшими в своем величайшем невежестве говорить много вздора, не зная ни книг, ни занятия науками, о чем я [уже] писал в другой книге. Кто видел упорство греков и кто помнит о донатистах, которые, отделившись от католической церкви, никогда к ней больше не примыкали, кто обдумывал верования эфиопов, которые в неоднократных посольствах к апостольскому престолу винулись перед ним, хотя и не признавали верховного первосвященника, кто, наконец, наблюдал за гуситами, так часто говорившими о единстве и никогда не возвращавшимися к католической церкви, легко поймет природу схизмы московитов.

Предвзятое упорное мнение о своей твердости увеличивает его упорство, он думает, что эта схизма будет без трещин.

Ко всему этому нужно добавить постоянное угодничество и раболепство по отношению к своему государю, принятое у этих еще очень непросвещенных народов, которые впитали их с молоком матерей.

Именно поэтому, поговорив с послами любого государя, после их ухода он моет руки в серебряном тазу, как бы избавляясь от чего-то нечистого и показывая этим, что остальные христиане — грязь. Когда я упрекал его в этом (что очень хорошо видно из моих писем к нему), он пытался оправдаться, но не смог этого сделать.

Он не разрешает входить армянам в свои храмы, говоря, что они следуют ереси Нестория. Грекам это позволяет, лютеранам же и другим еретикам не разрешает, и те храмы, что они себе построили, сожжены по его приказу.

КАКОВА НАДЕЖДА НА МОСКОВСКОГО КНЯЗЯ И ЕГО ОБЕЩАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРОДВИЖЕНИЯ В АЗИЮ И ДРУГИЕ МЕСТА СВЯТОГО ИМЕНИ ХРИСТОВА И КАТОЛИЧЕСКОЙ ВЕРЫ

В этой главе следует подробнее рассмотреть, чего можно ожидать от московита, если речь пойдет о необходимости распространения христианского имени, а об этом московский князь в письмах к вашему святейшеству и другим государям, по-видимому, отделался отговорками. Ведь именно таким образом можно будет увидеть, к чему направлены его обещания, какая польза была бы для христианской республики, если бы когда-нибудь этот народ пришел к католической вере или, наведя порядок в делах, обрёл бы другого, более податливого государя, так как существуют некоторые предположения, что этот государь проживет очень недолго.

Помню, перед моим отъездом в Московию в ответ на мои многочисленные вопросы некий человек сказал следующее: владения этого государя находятся очень далеко от тех, кто является заклятыми врагами нашей веры. К югу, на расстоянии более 20 дней пути, находится обширная пустыня с бесплодной землей, лишенной деревьев, и в большей части безводная. Она могла бы представлять большую опасность для какой бы то ни было экспедиции. За ней расположен Херсонес Таврический, где находятся главные враги московитов, крымские татары, и где сам турецкий султан имеет многочисленные и хорошо укрепленные крепости. На мой вопрос, касаются ли где-нибудь владения московского князя Каспийского моря и открыт ли доступ к нему, он ответил утвердительно. Хотя на

пути к нему находятся огромные степи, однако в определенные месяцы года корабли могут преодолеть это расстояние по реке Волге. И на мой дополнительный вопрос, можно ли плыть по Дону, который начинается в Московии и впадает в Азовское море, он ответил, что и здесь можно плыть. Но у устья Дона расположена крепость Азов, принадлежащая турецкому султану. К тому, что он раньше говорил о крымских татарах, прибавил следующее: московиту, подчинившему своей власти астраханских и казанских татар, нетрудно будет присоединить также и крымских.

Он рассказал, что у московитов существует особый способ ведения военных действий: против тех татар, которых московит покорил, он применял большие пушки. Кроме того, он приказал прибить к повозкам толстые щиты с просверленными в них отверстиями, через них пищальщики стреляли из своих пищалей. Таким образом, врагам был нанесен значительный ущерб, сами же они никого не потеряли, так как ему легко было сломить их с помощью этого нового вида оружия.

Кроме того, в каждой татарской орде (как я говорил) имеется один главный город или место собрания. Если его покорить, всё остальное без труда переходит во власть победителя. Когда покорены были казанские татары, соседи московского княжества, неизбежно должны были пасть и астраханские (потому что им никто не мог быстро помочь).

Покорив оба этих народа, московит смог довольно легко держать их в повиновении, так как построил несколько крепостей, а размещенные там гарнизоны охраняли эти области.

Наконец, на мой вопрос, как случилось, что московский князь нанес незадолго до этого весьма значительное поражение туркам, когда приказал отвести Дон в Волгу, он ответил, что это сделали не московиты, а крымские татары, хотя и были союзниками турок. Они были недовольны тем, что турки, как они полагали, готовят им более тяжкое ярмо. Поэтому, предложив себя в проводники турецкому войску, они повели его окружной дорогой по бесконечным лесам и местам, лишенным продовольствия, так что оно почти все погибло от голода и трудностей пути. Разузнав об этом, я спросил, далеко ли

границы московского государства отстоят от персидского царства, и он ответил, что между тем и другим весьма большое расстояние. Московские земли не соприкасаются с Персией, ближе к ним грузины и черкесы, которые называются «пятигорскими», их язык совершенно отличается от других [языков], и область, простирающаяся на 8 дней пути, управляется семью князьями (или правителями) по способу, напоминающему гельветский. Они имеют обыкновение получать дань иногда от московитов, иногда от турок, иногда и от самих персов в соответствии с требованиями времени и состоянием их дел. Впрочем, теперь приходится проделывать более длинный путь в Персию через Московию, так как Железные Ворота, через которые совершался переход, заняты турками. Этот человек говорил также, что все это ему известно из довольно достоверного источника, так как при нем находился один черкес, энергичный и верный солдат, а дядя его, участвовавший в этой войне и живший в Персии, совсем недавно приехал оттуда и всё ему рассказал. Он прибавил, что владения хана, повелителя татар в Азии, находятся недалеко от владений московитов. К тому же хан многое воспринял из христианских обрядов, так как когда-то эти люди приблизились к нашей вере. Магомет, советник Селима, отца нынешнего турецкого султана (как я слышал от одного важного лица), заявил, что тот, кто начал войну против московитов, предпринял трудное для себя дело, так как (говорил он) турецкий султан, его повелитель, и князь московский — единственные правители в мире, которые держат своих людей в прямом повиновении, и поэтому они самые могущественные.

Из этого можно понять, как высоко турки ценят московского князя. В их памяти до сих пор, может быть, сохранились те поражения, которые когда-то они потерпели от московского князя, если верить тому, что пишут Герберштейн и некоторые другие на основании хроник. И вот что еще можно заметить в рассуждениях турок: если бы греки не боялись чрезмерного владычества московского князя и он не находился бы так далеко от них, они не сторонились бы его власти, так как, по их мнению, у него одна и та же религия с их собственной, и поэтому они с большей охотой прибегли бы к нему. Конечно, князь московский, уладив дела с польским королем, завел речь о делах такого рода. Он запросил через своих советников, нельзя ли будет ему, соединив свои силы с королевскими, провести войско через владения короля польского и поставить крепости там, где он пройдет. Из этих

переговоров было видно, что он больше обращает внимание на Русь под властью польского короля, чем на крымских татар, и боится, как бы поляки не заперли его при возвращении. И если бы когда-нибудь войска были выведены из Московии в другие места, а не в Ливонию и Литву, можно было бы яснее себе представить, какой силой обладает этот народ.

Как бы то ни было, ясно, что через Московию открывается путь в Азию с гораздо меньшими расходами и опасностями, чем через любую другую страну мира. Я имею в виду путь распространения христианской веры, а это одно должно быть целью всех благочестивых [людей]. Поэтому нужно прилагать особые усилия к тому (о чем ваше святейшество писало москвиту), чтобы соединить его с нами узами религии, без чего остальные человеческие связи очень легко рвутся. И, конечно, чтобы этого добиться, нужен не один день и не одно посольство. Тот ковчег, в котором спаслись немногие для дальнейшего возрождения всего мира, мог быть построен не иначе как в течение ста лет, то есть при долгом терпении и с неослабевающим усердием. Однако это может быть сделано за более короткий срок, так как уже в пределах Ливонии и Московии Стефан, король польский, учреждает коллегии и семинарии католических священнослужителей и к прочим королевским и военным дарованиям присоединяет также и заботу об этом деле, как об одном из главных. К тому же стали совершаться чудеса по воле божьей среди людей нашего Общества на глазах у этого простого народа.

То, что среди москвитов не было бы недостатка в людях, которые отдали бы своих сыновей [для обучения] священникам, присланным апостольским престолом, заставляет меня, по милости господней, кое на что надеяться. Ведь господу нашему легко в один миг обогатить бедного и заставить агнца жить вместе со львом. И если само старание установить дружбу с московским князем и другими христианскими государями будет иметь продолжение, хотя сатана всегда будет стараться придумывать всякие способы помешать этому, нельзя и выразить, сколь большие выгоды оно при этом принесет, в особенности если те, кто будет этим заниматься, поставят целью одну лишь славу божью. Именно с этим следует приходиться к схизматикам и еретикам. Если они с самого начала подумают, что с ними будут говорить о религии, они не дадут такой возможности, отвергнут

услышанное или с помощью своих приспешников преградят продвижение вперед к остальному. Если бывает нужно, католические государи советуются в делах политических с апостольским престолом, так как знают, что всё, касающееся мира исходит от вашего святейшества, и понимают, что это подобает пастырю и наместнику на земле бога отца и сына. Поэтому и католические правители, и правители еретики и схизматики не только охотно прислушиваются, но, даже излагая на словах свои или чужие затруднения, сами же и указывают путь, с помощью которого уладилось бы и всё остальное. Многое, что до сих пор казалось еще не созревшим, превращается в более зрелое, и, если так можно выразиться, вызванная к жизни доверчивость их души возбуждает в их сердцах какое-то чувство благочестия и религиозности. Поэтому они испытывают чувство стыда, удаляясь от апостольского престола или прилагают самые решительные усилия, чтобы не отказаться от его увещаний: ведь они видят, что к нему прибегают и скифские, и индийские, и некоторые другие дикие народы, в то время как враг рода человеческого старается через еретиков уничтожить влияние католической церкви, установленное Христом, Следовательно, нужно, чтобы посланцы из Рима твердо стояли в решениях и подготавливали случаи для будущих встреч, а уезжая, удалялись с тем, чтобы оставить себе открытыми ворота (как говорят) для возвращения к тем же самым государям. Таким образом, можно добиться высокой цели: мир восстановится у вашего святейшества и оправдана будет благодать божественного провидения.

Могут явиться (а мы это знаем на своем опыте) другие планы помощи народам, о которых мы никогда и не помышляли. Если мы с чистой совестью и при благополучных обстоятельствах сможем завязать дружбу, хотя бы и светского характера, с другими государями, пусть еще и не христианскими, я готов поверить, это когда-нибудь позволит христианской религии распространиться в этих областях шире, чем это делалось до сих пор. А о том, приведет ли это к более глубокому проникновению истины в души самих государей, пусть судят те, кто много размышляет о терпении и мученичестве римских священнослужителей, которые в первые 200 лет существования католической церкви, держа кормило правления при бушующих волнах преследований, почти все своей кровью укрепили христианскую веру и бестрепетно привели к госуду нашему Иисусу

Христу корабль веры (если так можно сказать), наполненный многими варварскими народами.